

Утопический модус понимания смысла в жизни и методы его исследования

Игорь Олегович Агапов

Студент магистрант

Казанский (Приволжский) федеральный университет

newpost125@yandex.ru

Аннотация: В данной статье кратко дается общий контекст современного исследования смысла в жизни, после предлагается перспектива расширения дискурса за счет рассмотрения отношения к будущему как источнику смысла. Смысл переопределяется через синтез уже существующих в литературе интерпретаций. Сочетание смысла как значимости и смысла как объяснения ставится в зависимость от смысла как мотивации продолжать жить на основе причин, имеющих отношение к осознанному смыслу, полагаемому в будущем. Также дана классификация аспектов, по которым можно оценивать тот или иной взгляд на будущее как источник смысла, эти взгляды подведены под рабочий термин утопический модус понимания смысла в жизни. Классификация полагается на сходство/различие будущего от настоящего, этот критерий применяется в трех контекстах – устройство локального общества (модель – страна), мира в целом и устройство других обществ и сообществ. Первый пункт был разделен на 4 сценария, в которые вкладывается позитивный или негативный смысл: разрыв, преемственные изменения, неизменность, возврат. Далее я перехожу к теме исследования утопического модуса понимания будущего на основе междисциплинарных практике на стыке философии и социологии с целью отхода от приоритета дискурса философа и поворота к исследованию смысла в жизни как феномена, существующего в различных социальных группах. Даны гипотетические идеи относительно возможных методов исследования с фокусом на опросах и интервью.

Ключевые слова: *смысл жизни, будущее, смысл в жизни, утопия, междисциплинарный подход, антинатурализм, смысл, пост-капитализм, время, различие, сходство.*

The utopian mode of understanding meaning in life and methods for studying it

Igor Agapov

Master student

Kazan (Volga region) Federal University

newpost125@yandex.ru

Abstract: *I give a brief overview of contemporary discourse on meaning in life and suggest a new perspective for its expansion through examining the future as a source for meaning. The synthesis of meaning-as-significance and meaning-as-explanation is used as ground for a new sense of meaning as motivation to continue living on the basis of a conscious understanding of meaning in the first two senses projected into the future. I also present a set of rubrics which can be used for analyzing views on the future as a source for meaning, these views are generally defined under a working definition “the utopian mode of understanding meaning in life. My classification relies on how similar/different the future is, this criterion is used in three contexts – society, the world and communities. The first was split into 4 scenarios: rupture, successive change, immutability, return. Next, I consider how the utopian mode of understanding can be studied at the juncture of*

philosophy and sociology in order to move away from “the discourse of the philosopher” towards seeing meaning in life as embedded in different social groups. I make some suggestions regarding the methods of studying it, focusing on polls and interviews.

Keywords: *meaning of life, future, meaning in life, utopia, interdisciplinary approach, antinatalism, meaning, post-capitalism, time, difference, similarity.*

© И.О. Агапов (Казань). newpost125@yandex.ru. Казанский федеральный университет. Южный Полюс 8 (1/2) (2022) DOI: 10.18522/2415-8682-2022-8-81-89

Современный дискурс смысла (в) жизни: возможности для поиска новых альтернатив. Цель моей статьи – дополнить современный дискурс о смысле (в) жизни через рассмотрение точек зрения, которые предполагают предвзятость в сторону будущих событий (моей опорной точкой служит расхожая, простая на вид интуиция о том, что «если «все когда-то закончится», то смысла в жизни будет меньше»). В данной статье я привожу пример конкретного типа таких точек зрения – утопический модус понимания смысла жизни. Начнем с общих пояснений (которые будут использованы при непосредственном формулировании идеи статьи) контекста рассмотрения проблемы. В современной аналитической философии наблюдается интерес к пересмотру темы смысла (в) жизни (meaning in/of life) в новых контекстах, отличных от идей в духе смысла/цели истории или Божественного Провидения. Проблема делится по разным типам смысла. Например, у С. Сикриса и Гетца мы находим смысл как назначение (purpose), смысл как значимость (significance) и смысл как объяснение (и объяснимость) /понимание/... (sense-making, intelligibility) [1, с. 6-7]. Для тех, кто специально занимается смыслом в жизни (meaning in life, доминантное на данный момент направление) значимость, significance, importance, как правило, имеет центральное значение, тогда как для изучения смысла жизни принято использовать первые две интерпретации смысла: конкретнее, они оценивают, что именно заставляет нас говорить о жизни как значимой, имеющей смысл. Например, для авторов вроде Т. Меца это достижение успехов в ряде сфер, реализующих человеческий потенциал, при соответствии моральным нормам и возможность создания «хорошей» истории об этой жизни) [2]. Жизнь, о которой идет речь, тоже не всегда означает одно и то же. Воспользуемся классификацией Сикриса и Гетца, так как она дает сравнительно больше различий, он выделяет жизнь как 1) индивидуальную человеческую жизнь, 2) жизнь человечества, 3) все живое, 4) примерный маркер для всего того, что считается наиболее важными экзистенциальными вопросами, 5) примерный маркер для вселенной/всего [1, с. 12-13].

Перейдем к времени. Один из наиболее влиятельных авторов по теме смысла жизни, Т. Мец, выдвинул идею о том, что в рассмотрении смысла в жизни (то есть того, что делает жизнь наполненной смыслом, значением, meaningful) отсутствует предвзятость по отношению к будущему, что, по его мнению, помогает отделить смысл от удовольствия. Полагаясь на Парфита, он полагает, что в случае удовольствия незначительное удовольствие завтра лучше, чем удовольствие вчера, подобное же можно наблюдать с болью, которую предпочтительно оставлять в прошлом; сделать будущее максимально благоприятным в обоих случаях оказывается самым важным. Смысл дает другие ситуации. Смысл моральных поступков не обретает больший или меньший вес в зависимости от времени, подвиг в прошлом не становится хуже моральных поступков меньшего масштаба в будущем только из-за того, что он был в прошлом. То же можно наблюдать с осуждаемыми поступками: что хуже – совершить убийство в далеком прошлом или допустить незначительную ложь в будущем? Т. Мец, как и автор этой статьи, считает, что первое хуже. Смерть особым образом разделяет удовольствие и смысл: можно умереть ради смысла, но не ради удовольствия (если оно полагается «после смерти»), то это не смерть, по

крайней мере в данном контексте словоупотребления), и можно иметь смысл, не будучи живым. Если говорить о наполненности жизни смыслом достижений в искусстве, то посредственное стихотворение в будущем не перевешивает шедевра в прошлом. Мец также старается отделить чувства от смысла через объективистскую оговорку – его волнует не сам факт довольства (также стыда и т.д.) своим достижением, а уместность (appropriateness) наличия этого довольства, предполагаются объективные свойства, требующие определенного отношения (подобно классической эстетике) [3, с. 70-73]. На мой взгляд, это направление оставляет место если не для критики, то для дополнения.

При всей убедительности идей Меца я считаю нужным исследовать альтернативное направление понимания будущего для смысла в жизни: а именно как смысл в будущем мотивирует людей продолжать жить в настоящем (как в масштабе индивида, так и в других масштабах, тем более что феноменологически эти масштабы могут быть синкретически связаны). Мец рассматривает смысл в жизни так, как будто человек уже видит себя умершим. Подобный модус отношения к смыслу в своей жизни важен, но не является единственным или исключительным. На мой взгляд, объективистский крен Меца закрывает для нас большую часть других феноменологически интуитивных взглядов. Если задавать вопросы не о том, как оценить жизнь в конце, а о том, как она производится и поддерживается, то субъективный фактор становится важнее. Автор старого шедевра может понимать, что этот шедевр является источником большей части смысла в его жизни, но это не мотивирует его продолжать что-то делать. Смысл, находящийся в прошлом, может его мотивировать (поддержание имиджа, верность своим идеям и т.п.), но даже такой «смысл в прошлом» полагается на идею о том, что есть некоторые будущие положения вещей.

Если говорить о «смысле» в разговорном русском языке, то нельзя упустить, что он может вставать в роли вроде «а есть ли смысл это делать?», то есть обозначать вопрошание о мотивации, нечто подобное “is it worth it?”. В обоих случаях вопрос достаточно широк, это не вопрос о конкретном типе ценностей, они могут отсылать к любым мотивациям. Данная интуиция не ограничена русским языком, похожий вопрос можно генеалогически выявить через «Миф о Сизифе» А. Камю – тексте, отмеченном в качестве первой классической работы по теме смысла жизни в библиографии PhilPapers. [4] Несмотря на его внимание к ценностному и объяснительному аспектам смысла, А. Камю не теряет из виду и мотивационный: «To decide whether life is worth living is to answer the fundamental question of philosophy». [5, с. 1-2] Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы её прожить, значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Я объединяю стоимость и смысл (чего не делает Камю: для него ценность активного сознания человека абсурда не подпадает под категорию смысла, хотя она и обуславливает его положительный ответ на «фундаментальный вопрос философии»), так как они отсылают к идее связывания и соизмерения того, что ставится под вопрос (продолжение своей жизни), и некоторых ценностей, выходящих за пределы инертного продолжения жизни и мотивирующих человека через позитивный, активный выбор. [5, с. 18-19] Последняя оговорка важна, так как вполне возможно продолжать жизнь без активных смысловых ориентиров, но такая ситуация основана на игнорировании вопроса о смысле жизни.

Особый интерес для меня представляют смыслы, связанные с далеким будущим. Есть нечто интуитивно подлинное в известном нигилистическом клише, что если «все закончится» (сюда входят и социальные проекты, и будущее Солнечной системы и т.п.), то жизнь не так многого стоит, в ней нет/мало смысла. Это показывает особенности смысловой «оценки» жизни: она ставится в контекст, где условия определения ее ценности достаточно широки и могут казаться произвольными или по крайней мере неоднородными (например, есть условия, связанные с активной ролью человека, допустим, достижениями, но есть и условия, связанные с миром, в котором он находится – как социальные, так и природные).

Есть разные стратегии работы с подобными интуициями, можно просто их отклонить как иррациональные или исключить с помощью более узких определений, но я считаю, что неоднородность того, что подпадает под смысл, не может быть потеряна. Она отражает неоднородность самой жизни и связанных с ней ожиданий. По этой причине я считаю вполне легитимным исследование ожиданий от будущего в перспективе смысла в жизни: именно они определяют границы контекста, в котором рассматривается жизнь. Я отдаю себе отчет в том, что далекое будущее нечасто играет главную роль даже в смысловом аспекте проблемы продолжения жизни, что, однако, не обесценивает предмет исследования (это вполне существующий фактор, даже если и не главный), особенно с точки зрения его связи с политическими идеями, которые иногда обращаются к далекому будущему.

Прежде чем говорить о гипотетических модусах отношения к будущему, необходимо отметить, что смысл рассматривается в интегративной перспективе. Разные модусы понимания смысла в жизни – это компоненты общей «суммы смысла», или, чтобы не предполагать их однородность и сводимость к одной оси координат, компоненты общей картины смыслов, а не исчерпывающие представления о том или ином виде будущего.

Под смыслом я имею в виду синтез нескольких пониманий смысла: он подразумевает объяснительные аспекты (какой смысл жизнь имеет в некоем контексте) и значимость (что мои действия значат для будущего). Вместо целевого (какая у моей жизни цель?) я считаю нужным подчеркнуть мотивационный (достаточно ли мне этого, чтобы жить и оценивать свою жизнь как имеющую смысл?). Набросочно эту структуру можно представить так: есть объяснение и оценка значимости жизни, после этого есть вторичная оценка того, достаточно ли информации первого уровня, чтобы считать свою жизнь достойной продолжения по причинам, относящимся к сфере смыслов. Первый уровень оценивает некоторый нарратив о будущем, а второй – его мета-оценку. Разные модусы отношения к будущему дают разный вес определенным типам нарративов. Например, можно отличать модусы, выражающие предпочтения в сторону определенных факторов (допустим, политэкономическое отношение к будущему неравно культурному) или степени отдаленности нарративов о будущем. Под жизнью я имею в виду жизнь индивида, но подчеркнуто в ее отношении к более масштабным вариантам понимания жизни (сообщества и т.п.).

Утопическое отношение к будущему. Я рассматриваю утопическое отношение к будущему следующим образом: *смысл ставится в зависимость от того, каким будет мир в неопределенном, лично недоступном будущем.* То есть сфера обсуждения не сводится к тому, что традиционно считается утопиями, даже считающиеся реалистичными прогнозы о будущем, «где меня уже нет», входят в утопическое отношение – смысл в ценностной заряженности будущего при невозможности личного присутствия в этом будущем, а не в его правдоподобности или идеальности, хотя оба параметра нередко действительно могут быть сомнительными. Например, мы видим утопическое отношение, когда будущие поколения рассматриваются как определяющие смысл в жизни человека, что проявляется в идее терпения неудобств ради будущих поколений, накопления, долгосрочного выживания (например, «устойчивое развитие» в повестке ООН, дискурс об «экзистенциальных угрозах» человечеству, дискурс обсуждения экологических проблем и перспектив), в психоаналитическом языке критики Эделмана это можно описать как фантазии о завершении символического порядка в воображаемом будущем, где живут идеальные граждане/дети, которые наконец-то будут вправе «пожать плоды труда» [6, с. 1-16]. Более вычурным примером утопического отношения может стать «Космология духа» Э. Ильенкова, где не только индивид, но и все человечество, причем не только текущее поколение, но и те, кто достигнет бесклассового общества, приносит себя в жертву ради еще более удаленного и совершенного будущего, которое имеет свой смысл в глазах «мыслящего духа» и, уже на более обобщенном уровне, в масштабе природы.

Очевидно, что разные нарративы о будущем содержат разные ценностные установки и по-разному объясняют смысл жизни человека. Менее очевидно то, какие именно аспекты этих нарративов оказываются важными. В данной статье я могу только попытаться сделать набросочный список пунктов, с помощью которых можно анализировать и отличать различные проявления утопического отношения.

Опорным местом для меня является диалектика схожего и различного. Для разных взглядов будущее может давать больше или меньше смысла в зависимости от его схожести или несхожести с настоящим и прошлым в том или ином аспекте. Иногда несхожесть оценивается позитивно. Например, для преобразователя в области политики, науки или искусства схожесть будущего с настоящим часто оценивается негативно, возможно даже как источник обесценивания их труда: революционно настроенному коммунисту не хочется, чтобы в будущем были такие же, как он, коммунисты без коммунизма, для ученого часто нежелательно, чтобы ученые будущего бились над теми же самыми вопросами, художник нередко надеется, что в будущем придут какие-то новые формы выражения. Есть и противоположное направление, в котором будущее не может и не должно стать другим – это можно заметить в страхах, связанных с иммиграцией, охраной привилегий, изменений государственных границ, уровня и образа жизни, ценностями, нравами и нормами, новыми технологиями.

Если отправной точкой является различие и схожесть, то моя классификация будет отвечать на вопрос о том, различие и схожесть чего влияет на смысл.

1. Устройство общества

Эта категория очень широка, поэтому она требует деления. Достаточно очевидной формой деления было бы деление на привычные вопросы – экономические, политические и т.п., что вполне помогает оценить, куда именно инвестированы смыслы. Однако собственно философский вклад был бы потерян, поэтому я постараюсь пойти иным путем, через типы различия.

А) Разрыв

Разрыв, радикальное различие – типичный троп утопии в узком смысле слова [7, р. 85-86]. В литературе разрыв проявлялся в разной степени через такие феномены как новое начало построения общества (постройка колоний с нуля в «Марсе» Робинсона), изменение условий жизни человека (продолжительность жизни в «Назад к Мафусаилу»), новая формация с новыми формами сознания (учение Маркса) и т.п. Смысла может быть больше или меньше в зависимости от того, насколько велик разрыв и в каком именно направлении он наблюдается. В современных обстоятельствах потенциал для разрыва часто видится в автоматизации и том, насколько она действительно способна создать нечто новое. Одна из типичных форм инвестирования смысла в будущее, содержащее в себе широкий разрыв по целому ряду пунктов – поиск модели посткапитализма. Для меня эта форма очень ярко выражается в недавно опубликованной незаконченной серии семинаров М. Фишера о посткапиталистическом желании, где разбор литературы по теме (Гибсон-Грэм, Сёрнек и Уильямс, Мэйсон и т.п.) сопряжен с оценкой того, насколько возможен разрыв в состоянии «пост» в системе экономического оценивания. Именно возможность создания чего-то кардинально нового, не «проваливающегося» в старые формы эксплуатации в данном случае наделяется максимальным смыслом и рассматривается как источник надежды для человеческой жизни [8].

Среди более необычных идей о разрыве можно найти антинатурализм, где на этической основе избежания причинения страдания людям и природе идеальным будущим является такое, где население постепенно доходит до нуля. В взглядах одного из наиболее влиятельных авторов по теме, Д. Бенатара, можно увидеть инвестицию смысла в наличие или отсутствие человеческого страдания в далеком будущем, и это отсутствие (и связанное с ним изменение ценностей, позволяющее сознательно сокращать рождаемость)

представляет собой радикальный разрыв от прошлого и настоящего [9, с. 182-200].

Необходима оговорка, что желание разрыва с сегодняшним в случаях, где есть желание вернуться к прошлому, будет скорее относиться к категории Г). Изменение в случае А) подразумевает беспрецедентность как часть самоопределения.

Б) Преемственные изменения

Преемственные изменения предполагают изменения уже имеющихся показателей в (не)желаемую сторону. Желание экономического роста, улучшения уровня жизни, устранения голода или безработицы обычно формулируются именно в такой форме – нужно то же самое, но несколько улучшенное. Иными словами, это количественное изменение в значительной степени отвлеченности от качественного. До специальных исследований и опросов можно предполагать, именно это направление является самым распространенным по количеству людей, чей смысл оно определяет, вероятно, особенно в некризисные исторические моменты.

При этом нельзя пропустить оговорку, что это отношение часто связано с модерном и Просвещением, где улучшение мира со временем воспринимается как нормальное ожидание.

В) Неизменность

Неизменность подразумевает идентичность порядка сегодняшнего дня с будущим. Оно во многом родственно Б), где недостатки текущего состояния не радикальны. Именно здесь можно увидеть необычные стороны отношения широкого смысла утопического отношения к узкому смыслу утопии. Джеймисон характеризует утопию в традиционном смысле слова как полагающуюся на некую изоляцию, которая в утопической литературе часто представлялась в формах острова или более тонко через отрыв от привычных моральных установок [7, с. 4-5]. В этом смысле желание тождественности общества будущего обществу прошлого и настоящего в масштабе своей общности (допустим, страны) становится чисто утопическим, особенно в случаях, где эта общность уже в настоящий представляется как последний оплот посреди изменений.

Г) Возврат

В этом случае далекое будущее оценивается через некое прошлое. Эта категория вполне может попадать под А), особенно для исследователей, склонных (часто обоснованно, как это можно видеть с примитивизмом) считать любой возврат невозможным. Тем не менее, если сами носители подобных взглядов не отдают себе отчета, что их взгляды могут содержать элементы, противоречащие «подлинному» возврату, вполне легитимно создать особую категорию на основе самоопределения.

2. Устройство мира в целом

Несмотря на видимую странность этой идеи, устройство мира в целом тоже может влиять на смыслы людей, склонный к геополитическому или цивилизационному мышлению (пример – рассуждения В. Соловьева о Востоке и его будущем). Исходя их вкладывания смысла в устройство мира в далеком будущем конспирологическое мышление сопротивляется Новому мировому порядку, националистическое – потенциальной гегемонии своих врагов, анти- и альтер-глобалистское – глобализму и т.п. При всем разнообразии подобных форм инвестированности смысла я предварительно предполагаю, что в академическом мейнстриме более распространены идеи, более тесно связанные с 1. (устройство обществ в мире) и экологическими проблемами, особенно учитывая достаточно негативные прогнозы ИРСС и связанные с ними философские критики антропоцентризма, эксплуатации природы и т.п.

3. Устройство других обществ и сообществ

При всей важности глобальных проблем экологии, политики, геополитики и других масштабных проблем для сознания человека, нельзя забывать о том, что, во-первых, на индивидуальном уровне есть иные сферы, и, во-вторых, масштабные проблемы часто

представлены как локальные проблемы сообществ меньшего масштаба. Во втором случае это может быть беспокойство о судьбе построенного дома в перспективе изменений культуры города, будущем уровне жизни и политической ситуации удаленных во времени поколений семьи, судьбе своих монографий в науке будущего или собственного на свою музыку в новой в экономической системе и т.п. В первом случае проблемы могут быть сформулированы, по крайней мере на первый взгляд, изолированно от крупных общественных изменений, особенно сложно, на мой взгляд, выделить масштабные проблемы в случаях 1 Б) и 1 В), так как если ничего кардинально не меняется, то сам факт вписывания дома в городской ландшафт или самого существования будущих поколений семьи оказывается по видимости оторванным от глобальных проблем и становится локальным делом личной добродетели, случаях и т.д.

Методы исследования утопического модуса понимания смысла жизни. Я хотел бы подчеркнуть, что мое понимание результатов теоретического исследования смысла в жизни не включает нахождение самых важных источников смысла «для всех» (что можно увидеть в «фундаментальной теории» Меца) [3, с. 235]. Скорее, для меня важно найти параметры, измерение которых может дать совершенно разные картины в зависимости от исследуемых индивидов или сообществ – то есть я рассматриваю смысл в жизни как предмет, требующий междисциплинарного подхода с вкладом социологии, в которой уже есть несколько стратегий рассмотрения проблемы будущего [10]. Не отрицая ценность абстрактного философского утверждения о хорошей жизни, наполненной смыслом, я вижу больше ценности в нахождении того, для кого и что действительно наполняет жизнь смыслом и в какой мере.

В данной статье я хотел бы обратить внимание на разработку вопросов, оценивающих характер и степень влияния утопического модуса понимания смысла в жизни. В социологии, согласно недавнему обзору литературы существует три основных направления в изучении будущего: будущее как переменная (традиционно, исследуются факторы, объясняющие разнящиеся ожидания людей), воображаемые образы будущего, конфликтный процесс построения идей о будущем. Как правило изучаются ожидания в пределах своей жизни, а также групповые различия и изменения этих ожиданий в зависимости от разных факторов (от ближайших до тех, где оцениваются ожидания молодых людей от своей биографии до глубокой старости), экспертные представления о будущем (например, есть статья об образах будущего ядерной энергии в Южной Корее и США). Социология позволяет увидеть, что широкая абстрактная теория хорошей осмысленной жизни философа не совсем соотносится с тем, как разные группы людей в зависимости от их расы, класса, привычек, гендера и т.п. видят себя, свои ожидания и желания [10]. Именно это, на мой взгляд, может помочь расширить понимание смысла в жизни: вместо одного руководящего «правильного» взгляда объективизма в понимании смысла в жизни или множества индивидуальных вкусов, можно выделить паттерны понимания смысла в разных социальных группах, иными словами, это развивает интерсубъективное, пока еще относительно малоразвитое, рассмотрение проблемы в классификации Т. Меца [3].

На мой взгляд, опросные анкеты, интервью и иные методы должны сначала оценивать общую ориентированность на будущее, возможно, через просьбу оценить по шкале степень беспокойства о различных гипотетических сценариях, среди которых можно начинать с утверждений вроде «Солнце не сможет поддерживать жизнь на планете Земля через X лет» и переходить к разнообразным утверждениям о судьбе планеты в ближайшие 200 лет, но еще не затрагивая жизнь человека напрямую (естественно, порядок можно менять и оценивать, насколько порядок влияет на результаты, не имея специальной подготовки, я не могу сказать, какой порядок лучше и как это установить). Можно ли действительно уравнивать беспокойство и смысл? Это непрямая метрика, но она

достаточно хорошо показывает, действительно ли тот или иной предмет важен для человека. После установления уровня беспокойства в более удаленных контекстах, можно начать задавать вопросы о экономике, политике, культуре, морали и т.п. В случае интервью можно спрашивать о дополнительных сценариях развития и уточнять методом исключения (через коррекцию гипотетических сценариев развития будущего), какие именно элементы самые важные для человека. Для электронных анкет этот процесс можно автоматизировать с помощью чат-бота. В дальнейшем собранные данные могут подвергаться количественному и качественному анализу как со стороны социологии, так и философии. Анализ данных может помочь выявить, насколько глубоко в будущее и до какой степени протяжены заботы респондентов, в каких сферах они расположены и как связаны с группами, к которым респонденты принадлежат.

Также возможно исследовать предпочтения респондентов по устройству общества, мира и других сообществ, при этом вполне возможно следовать как моему делению пунктов, предложенному в этой статье, так и другим делениям. Самое важное, можно оценивать степень потери/обретения смысла в зависимости от фактов о будущем через вопросы о смысле. Формулировка может варьироваться, она может быть как более прямой «считаете ли вы, что ваша жизнь была прожита зря, если ...», «будет ли ваша мотивация продолжать жить выше/ниже, если ...», так и более отдаленной – вопросы о влиянии на мотивацию к деятельности в сферах, имеющих отношение к конкретному сценарию будущего. Кроме того, если соединить подобное исследование с оценкой степени уверенности в тех или иных сценариях, можно усложнить картину и получить значительно больше информации не только относительно конкретных сценариев, но и о том, насколько важна уверенность в правдоподобности этих сценариев. Вполне вероятно, что эмпирические результаты могут дать новые теоретические формулировки.

В заключение, я хотел бы заметить, что изучение проблемы не ограничивается социологией и может иметь место в литературоведении, где уже есть традиция исследований образов будущего в утопиях, научной фантастике и других жанрах и тематиках. Другие сферы культуры – такие как архитектура (какой смысл люди вкладывают в гипотетические и реальные сооружения, какие ожидания и т.п.), изобразительное искусство – также дают богатую почву для исследования, однако в своей статье я предпочел избежать «элитарного» крена и обратить внимание на смыслы «народного» (по аналогии с folk psychology) уровня.

REFERENCES

1. Goetz S., Seachris J. What is this thing called the meaning of life? Routledge. 2020. 204 p.
2. Metz T. «The Meaning of Life» // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2013 Edition), Edward N. Zalta (ed.). [Electronic resource] URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2013/entries/life-meaning/> (accessed: 31.05.2020).
3. Metz T. Meaning in Life. An Analytic Study. Oxford University Press, 2013. 269 p.
4. Delon N. The Meaning of Life, PhilPapers. [Electronic resource] URL.: <https://philpapers.org/browse/the-meaning-of-life> (accessed: 31.05.2020).
5. Camus A. The Myth of Sisyphus and Other Essays. New York: Vintage Books. 1991. 224 p.
6. Edelman L. No Future. Queer Theory and the Death Drive. Duke University Press Books. 2004. 206 p.
7. Jameson F. Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. Verso Books. 2007. 480 p.
8. Fisher M., Colquhoun M. Postcapitalist Desire: The Final Lectures. Repeater Books. 2021. 264 p.
9. Benatar D. Better Never to Have Been. Oxford University Press. 2006. 237 p.

10. Beckert J., Suckert L. The future as a social fact. The analysis of perceptions of the future in sociology // Poetics. 2021. Vol. 84. P. 1-16.